

АНТИЧНЫЙ МИФ В ПАРАДИГМЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА: ПОЭТИКА И ФУНКЦИИ В ПРОЗЕ ГАНСА ЭРИХА НОССАКА (НА МАТЕРИАЛЕ «НЕКИЙИ»)

Пак Галина Ен-Уновна

доцент кафедры языкового и литературного образования UBS Наманган, Республика
Узбекистан

Исманова Малуда Мамадалиевна

кандидат филологических наук, доцент UBS, Узбекистан, г. Наманган

E-mail: ismanovamavluda749@gmail.com

тел.: + 998999785527

Аннотация. Мақоллада Hans Erich Nossack ijodida antik mifga murojaat qilish xususiyatlari tahlil qilinadi. “Nekiya” va “Kassandra” asarlarida mifologik tuzilmalar transformatsiyasi ko‘rib chiqilib, mifning urushdan keyingi nemis adabiyoti kontekstidagi funksiyalari aniqlanadi. Antik merosning ekzistensial qayta talqini masalasiga alohida e‘tibor qaralilib, unda mif tarixiy falokat, ayb va xotirani anglash vositasi sifatida talqin etiladi.

Калит со‘злар: antik mif, Nossack, Nekiya, Kassandra, ekzistensializm, urushdan keyingi adabiyot, ayb, xotira.

Аннотация. В статье анализируется специфика обращения к античному мифу в творчестве Ганс Эрих Носсак. Рассматривается трансформация мифологических структур в произведениях «Некийя» и «Кассандра», выявляются функции мифа в контексте послевоенной немецкой литературы. Особое внимание уделяется экзистенциальному переосмыслению античного наследия, в рамках которого миф становится способом осмысления исторической катастрофы, вины и памяти.

Ключевые слова: античный миф, Носсак, некийя, Кассандра, экзистенциализм, послевоенная литература, вина, память.

Annotation. The article analyzes the specific features of the reception of the ancient myth in the works of Hans Erich Nossack. It examines the transformation of mythological structures in the works “Nekiya” and “Cassandra”, identifying the functions of myth within the context of postwar German literature. Special attention is paid to the existential reinterpretation of the classical heritage, within which myth becomes a means of comprehending historical catastrophe, guilt, and memory.

Key words: ancient myth, Nossack, Nekiya, Cassandra, existentialism, postwar literature, guilt, memory.

Введение. Античный миф на протяжении всей истории европейской культуры выступал универсальной формой осмысления мира и человека, своеобразным «языком» культуры, в котором зафиксированы базовые представления о судьбе, вине, ответственности, свободе и пределе человеческого существования. Уже в античности миф выполнял не только

повествовательную, но и философскую функцию, являясь способом объяснения устройства мира и места человека в нём. В последующие эпохи — от Возрождения до модернизма — миф неоднократно переосмыслился, сохраняя при этом свою символическую глубину и архетипическую значимость [4, с. 45–52; 8, с. 18–24].

В XX веке, особенно после Второй мировой войны, происходит радикальная трансформация функций мифа. В условиях крушения гуманистических идеалов, кризиса рационализма и утраты доверия к идее исторического прогресса миф перестаёт быть лишь источником сюжетов и художественных образов. Он становится инструментом философской рефлексии, формой выражения травматического опыта и способом осмысления катастрофических событий истории. В этом контексте особую значимость приобретает обращение к античному мифу как к универсальной модели, позволяющей выразить кризисное состояние человека и культуры.

В послевоенной европейской литературе миф начинает функционировать как средство реконструкции разрушенной культурной памяти. Как подчёркивает Ян Ассман, мифологические структуры играют ключевую роль в сохранении и передаче исторического опыта, обеспечивая связь между прошлым и настоящим [1, с. 36–41]. В свою очередь, теория архетипов Карл Густав Юнг позволяет рассматривать миф как проявление коллективного бессознательного, актуализирующегося в периоды культурных кризисов [9, с. 67–73]. Таким образом, обращение к мифу в литературе XX века обусловлено не только эстетическими, но и глубинными психологическими и культурными причинами.

Особое место в процессе обращения к мифам занимает творчество Ганса Эриха Носсака — одного из значимых представителей послевоенной немецкой литературы. Его произведения формируются в контексте «литературы руин» (Trümmerliteratur), отражающей опыт разрушения, духовного кризиса и утраты ценностных ориентиров. В условиях послевоенной Германии, пережившей моральную и историческую катастрофу, Носсак обращается к античному мифу как к универсальному культурному коду, позволяющему осмыслить трагический опыт эпохи.

В таких произведениях, как «Некийя» и «Кассандра», мифологические сюжеты подвергаются глубокой трансформации. Носсак не воспроизводит античную традицию в её классическом виде, а переосмысливает её в экзистенциальном ключе. Миф у него утрачивает завершённость и становится открытой структурой, в которой отражается внутренний кризис человека.

Герои оказываются в ситуации предельного выбора, где прошлое и настоящее пересекаются, а мифологический сюжет служит средством выявления глубинных экзистенциальных проблем [5; 6].

Важнейшей особенностью носсаковского переосмысления мифа является акцент на категориях вины и памяти. В отличие от античной традиции, где миф часто утверждает космический порядок и неизбежность судьбы, в послевоенной литературе он фиксирует разрушение этого порядка и невозможность гармонии. В этом аспекте творчество Носсака соотносится с философией экзистенциализма, представленной в работах Жан-Поля Сартра и Альбера Камю, где центральными являются проблемы свободы, ответственности и абсурда человеческого существования [3, с. 102–110; 7, с. 95–110].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа функций античного мифа в послевоенной литературе и выявления его роли в осмыслении исторической травмы.

Методологическую основу исследования составляют историко-литературный, мифопоэтический, герменевтический, сравнительно-типологический и интертекстуальный методы анализа, а также экзистенциально-философский подход.

Таким образом, исследование направлено на выявление сложной и многослойной природы античного мифа в творчестве Носсака, который в условиях XX века превращается из традиционного повествовательного элемента в универсальный инструмент философского и культурного осмысления реальности.

Основная часть. После Второй мировой войны реальность воспринимается как «разорванная», лишённая логической целостности. В этих условиях миф становится способом структурирования хаоса. Он позволяет выразить то, что не поддаётся прямому описанию: травму, страх, чувство вины.

Античный миф в прозе Ганса Эриха Носсака, прежде всего в произведении «Некийя», функционирует как сложный культурно-философский механизм, обеспечивающий не только связь с традицией, но и её критическое переосмысление в условиях исторической катастрофы XX века. В отличие от классической античной модели, где миф выполняет интегративную и объяснительную роль, у Носсака он приобретает характер проблемного кода, раскрывающего разрыв между культурной памятью и современной реальностью.

Прежде всего, миф в «Некийе» выступает как форма реконструкции разрушенного опыта. Обращение к архаическому обряду некюйи, восходящему к Одиссея Гомер, позволяет автору ввести в текст универсальную модель перехода границ — между жизнью и смертью, прошлым и настоящим, знанием и незнанием. Однако если в античной традиции подобное пересечение границы имело характер инициации и сопровождалось обретением истины, то у Носсака оно лишено завершённости и телеологичности: движение героя не ведёт к смыслу, а фиксирует его отсутствие. Тем самым миф перестаёт быть средством ориентации и становится формой фиксации дезориентации [8].

С этим связана трансформация семантической функции мифа. В античности мифологическое повествование обеспечивало целостность мировосприятия, выступая, по выражению А. Ф. Лосева, «формой конкретно-чувственного мышления», в которой космос сохранял внутреннюю упорядоченность [4]. В «Некийе» эта целостность разрушена: мифологическая схема сохраняется лишь как пустая структура, лишённая содержательного ядра. Такое «опустошение» мифа отражает кризис культурной памяти, о котором пишет Я. Ассман, подчёркивая, что в условиях исторических травм традиционные символические системы теряют свою нормативную силу и превращаются в фрагменты, требующие новой интерпретации [1].

Важнейшей становится экзистенциальная функция мифа. Носсак использует античный архетип не для воспроизведения прошлого, а для выражения фундаментального опыта современности — переживания абсурда, утраты смысла и невозможности окончательного знания. В этом отношении «Некийя» соотносится с философией Альбера Камю, где человек сталкивается с «молчанием мира» и вынужден существовать в ситуации онтологической неопределённости [3]. Одновременно в тексте проявляется и близость к идеям Жана-Поля Сартра: отсутствие трансцендентного основания бытия превращает существование в пространство свободы, обременённой ответственностью и тревогой [7]. Таким образом, мифологический сюжет становится формой художественной репрезентации экзистенциального состояния человека.

Особое значение приобретает архетипическая функция мифа. Как указывает К. Г. Юнг, архетипы сохраняются в коллективном бессознательном и проявляются в различных культурных формах, независимо от исторической эпохи [9]. В «Некийе» архетип нисхождения в мир мёртвых сохраняет свою универсальность, однако его содержание радикально меняется: вместо встречи

с истиной происходит столкновение с пустотой. Это свидетельствует о том, что архетипическая структура способна адаптироваться к новым историческим условиям, отражая изменённое состояние человеческого сознания.

Не менее важна и поэтическая функция мифа, связанная с особенностями художественной организации текста. По наблюдению М. М. Бахтина, художественное произведение представляет собой пространство взаимодействия различных голосов и смысловых позиций [2]. В «Некийе» мифологический пласт вступает в напряжённый диалог с современным опытом, однако этот диалог не приводит к синтезу. Напротив, он фиксирует принципиальную несоединимость традиционного и современного мировидения. В результате текст приобретает фрагментарный, разорванный характер, отражающий состояние культурной дезинтеграции.

Наконец, миф у Носсака выполняет критическую функцию по отношению к самой культуре. Сохраняя внешние формы античного сюжета, автор демонстрирует невозможность их прежнего функционирования в новой исторической ситуации. Миф становится не столько способом объяснения мира, сколько инструментом выявления его кризисного состояния. В этом смысле «Некийя» может рассматриваться как текст, в котором античная традиция не воспроизводится, а подвергается деконструкции, выявляющей пределы её применимости в эпоху после катастрофы.

Видим, в прозе Ганса Эриха Носсака античный миф функционирует как многослойная художественная структура, объединяющая в себе элементы памяти, архетипа, философского анализа и поэтической формы. На примере «Некийи» можно увидеть, как традиционный мифологический сюжет трансформируется в универсальную модель осмысления кризиса культуры и человека, утрачивающего устойчивые основания своего существования.

Заключение. Таким образом, «Некийя» Ганса Эриха Носсака предстает как художественно-философская модель переосмысления античного мифа в культурной парадигме XX века. Архетип нисхождения в мир мёртвых, восходящий к Одиссею Гомер, сохраняет свою формальную структуру, однако лишается прежней телеологической направленности: движение героя не приводит к обретению знания, а фиксирует предельную неопределённость бытия [8].

В результате мифологическая модель перестает функционировать как средство объяснения мира и трансформируется в аналитический инструмент, выявляющий границы человеческого понимания. Разрушение сакрального

измерения и размывание онтологических оппозиций свидетельствуют о глубинных изменениях в культурном сознании, где традиционные формы символизации утрачивают нормативную устойчивость. В этом аспекте «Некийя» соотносится с концепцией культурной памяти Ян Ассман, согласно которой в условиях исторических разрывов символические системы сохраняются, но функционируют как проблемные структуры, требующие переинтерпретации [1].

Экзистенциальное измерение произведения позволяет рассматривать его в русле философии Жана-Поля Сартра и Альбера Камю: художественный мир текста репрезентирует ситуацию, в которой субъект лишён заданных оснований и вынужден существовать в горизонте неопределённости. При этом проза Носсака не предлагает концептуального выхода из данного состояния, а последовательно фиксирует его как онтологическую данность, что усиливает трагическое звучание произведения [3; 7].

Сохраняя архетипическую матрицу, описанную Карлом Густавом Юнгом, автор демонстрирует радикальную смену её семантического наполнения: путь к знанию замещается опытом предельной пустоты. Тем самым миф утрачивает статус источника универсальных истин и превращается в форму критической рефлексии над состоянием культуры [9].

Художественная структура текста, соотносимая с диалогической концепцией Михаила Бахтина, организована как пространство напряжённого взаимодействия различных смысловых перспектив. Однако этот диалог не ведёт к синтезу, а выявляет принципиальную несовместимость традиционного и современного типов мировидения. Фрагментарность и незавершённость повествования выступают не только композиционными характеристиками, но и выражением самой логики изображаемой реальности [2].

В итоге «Некийя» Ганса Эриха Носсака занимает значимое место в литературе послевоенного периода как произведение, в котором античный миф переходит из сферы повествовательной традиции в область философско-антропологического анализа. Его трансформация отражает не только изменение художественных стратегий, но и глубокий сдвиг в понимании человека, оказавшегося в ситуации утраты устойчивых смысловых ориентиров и вынужденного заново конструировать основания собственного существования.

Список литературы:

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.

3. Камю А. Миф о Сизифе. — М.: АСТ, 2008. — 224 с.
4. Лосев А. Ф. История античной эстетики. — М.: Искусство, 2000. — 640 с.
5. Ганс Эрих Носсак. Некийя. — М.: Прогресс, 1991. — 180 с.
6. Ганс Эрих Носсак. Кассандра. — М.: Художественная литература, 1993. — 210 с.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. — М.: Республика, 2000. — 832 с.
8. Тронский И. М. История античной литературы. — М.: Высшая школа, 2007. — 464 с.
9. Юнг К. Г. Архетип и символ. — М.: Ренессанс, 1991. — 304 с.

